КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 3 р. 60 к. съ пересылкою.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1894 года. № 13. 1 Іюля.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Поученіе къ поселянамъ, сказанное при первомъ богослуженіи въ храмѣ новопоступившимъ на приходъ.

Не скрою отъ васъ, братіе, что съ нѣкоторымъ смущеніемъ начинаю я у васъ святое дѣло моего пастырскаго служенія. Что же меня смущаетъ,—что тревожитъ? Смущаетъ меня неизвѣстность того, какія установятся отношенія между нами и какой будетъ успѣхъ моего пастырскаго служенія въ моей новой паствѣ. Но да будетъ во всемъ воля Твоя, Господи! Съ надеждою на Господа милосерднаго, помолившись съ вами въ первый разъ въ вашемъ храмѣ, предложу вамъ и первое мое пастырское слово,—скажу въ краткихъ словахъ о должныхъ взаимныхъ отношеніяхъ между пастыремъ и пасомыми.—Долгъ пастыря стада Христова, первѣе всего, узнать своихъ пасомыхъ,—узнать не ради пустого любопытства, а чтобы видѣть—какъ кто изъ нихъ ра-

ботаетъ надъ собою о Господѣ: идетъ ли, хотя сколько нибудь, по пути къ Царствію Небесному, или же коснѣетъ во злѣ и въ грѣховныхъ привычкахъ. Пастырь церкви долженъ быть всегда на стражѣ Христова стада: относиться къ своимъ пасомымъ съ пастырскими совѣтами и наставленіями, быть ихъ руководителемъ въ дѣлѣ спасенія, ревностно заботясь о спасеніи каждаго изъ своихъ пасомыхъ, хотя бы для этого потребовалось пастырю самыхъ великихъ усилій, лишеній, даже жизни; онъ долженъ твердо помнить слова апостола Павла, обращенныя къ пастырямъ: *настой благовременнѣ и безвременнѣ, запрети, обличи, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ*.

Уже и изъ этого видите, бр., какъ многотрудна, какой великой мудрости и заботливости требуетъ отъ насъ, пастырей, должность наша пастырская! Не даромъ у св. Златоуста въ одномъ мѣстѣ говорится: (Толк. на Дѣян. Апостольскія) «Не мню іереомъ многимъ спасеннымъ быти, но множайшимъ погибающимъ». Вотъ, наше—пастырей вашихъ, положеніе! Заживо насъ свв. отцы въ мертвецѣхъ вмѣняютъ и не обѣщаютъ намъ вѣчнаго спасенія. Плачевная доля!

Но, чада наши духовныя, и для васъ есть много обязательствъ въ отношеніи къ пастырю. Вы должны относиться къ пастырю Церкви съ любовію и уваженіемъ, какъ чада къ отцу, какъ пасомые къ пастырю своему, наставнику и руководителю въ дѣлѣ спасенія, своему всегдашнему молитвеннику о душахъ вашихъ. Кто не слушаетъ и не внемлетъ гласу своего пастыря, тотъ—не овца стада Христова и на страшномъ судѣ Христовомъ не одесную престола Божія будетъ мѣсто таковому, а ошую, съ козлищами. Страшная участь!

Потому, бр. мои, слышите ли вы, видите ли пастыря молитву дѣющимъ о васъ, бывайте къ ней внимательны и, отрѣшившись отъ суетнаго, дѣйте и вы совмѣстно съ нимъ молитву; слушаете ли проповѣдь его, будьте къ ней внимательны,—все слышанное вами слагайте въ сердцахъ вашихъ и считайте долгомъ исполнять пастырскія наставленія въ своей жизни. Въ этомъ и будетъ состоять истинное послушаніе ваше гласу пастырскому. Такого-то послушанія себѣ я и прошу у васъ, бр., какъ ради своей, такъ, много паче, и ради вашей пользы; въ томъ и сущность истинныхъ отношеній вашихъ къ пастырствованію нашему надъ вами. Но таковыя отношенія между пастыремъ и пасомыми устанавливаются лишь тогда, когда обѣ стороны пребываютъ въ любви и согласіи, имѣя взаимную сердечную расположенность. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, часто бываетъ такъ: коль скоро духъ злобы — діаволъ увидитъ людей расположенныхъ другъ къ другу, находящихся во взаимной любви, онъ старается поселить между ними вражду и несогласіе; этотъ человѣконенавистникъ подъ часъ и добрыхъ людей уловляетъ въ свои сѣти, и особенно старается поселить вражду между пастыремъ и пасомыми. Представляя это теперь, я смущаюсь за васъ и за себя, и потому заблаговременно прошу васъ и молю: пребывайте со мною въ любви и согласіи. Не ожидайте отъ меня, однакоже, какого нибудь человѣкоугодничества, чтобы чрезъ то заслужить мнѣ ваше расположеніе. Не прошу я у васъ и какой нибудь снисходительности въ моихъ слабостяхъ, при исполненіи моего пастырскаго долга. Смотрите на то, право ли я буду править свое служеніе у васъ, и если право—благодарите Господа; но если и споткнусь въ чемъ нибудь, не оставляйте меня въ моемъ паденіи, а вашимъ добрымъ со-

чувственнымъ словомъ и молитвою поддержите меня; въ томъ и состоитъ истинная любовь. Главное-же прошу всѣхъ васъ—будьте со мной искренни, откровенны во всемъ; чрезъ то—премного вы можете облегчить служеніе мое у васъ. А я, съ своей стороны, сколько возможно чаще, вознося мои недостойныя молитвы ко Господу въ семъ святомъ храмѣ, съ надеждою на помощь Божію, буду стараться отъ всей души подавать собою примѣръ любви и мира и послужить спасенію вашему,— быть всюду, всегда и во всемъ провозвѣстникомъ того, *елика суть истина, елика честна, елика доброхвальна*, не щадя ни силъ, ни здоровья, ни спокойствія, со всею ревностію, *творя сіе съ радостію, а не воздыхающе*.

Будемъ же, бр. мои, молить Царицу Небесную, Заступницу всего рода христіанскаго, св. Іоанна Предтечу, св. апостоловъ и всѣхъ святыхъ, да утвердятъ они насъ въ любви и мирѣ; силою же ихъ молитвъ Самъ Пастыреначальникъ нашъ Іисусъ Христосъ, истинный Богъ нашъ, да помилуетъ и спасетъ насъ, яко благъ и человѣколюбецъ. Аминь.

Села Стадницы священникъ *Василій Саноцкій*.

Поучительное чтеніе 10 іюля, въ день памяти преподобнаго Антонія Кіево-Печерскаго[1].

(*Религіозно-воспитательное значеніе монастырей*).

Нынѣ, въ день памяти преподобнаго Антонія Печерскаго, основателя святой Кіево-Печерской лавры и вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальника иночества на Руси,

[1]) Изъ «Поучительныхъ чтеній на всѣ праздничные дни».

скажу вамъ, друзья мои, нѣсколько словъ о высокомъ религіозно-воспитательномъ значеніи нашихъ монастырей.

Обыкновенно монастыри наши стоятъ уединенно, вдали отъ городовъ и обыкновенныхъ жилищъ мірскихъ,—вдали отъ шума мірской, суетливой жизни; кромѣ того, они обыкновенно ограждаются еще и высокими стѣнами. Тутъ, какъ будто, иной міръ, другая атмосфера. Вступая въ ограду монастырскую, не замѣчаешь тутъ суетливой бѣготни стремящихся къ наживѣ, заботящихся о пріобрѣтеніяхъ; не слышишь тутъ шумнаго говора горячо спорящихъ изъ за житейскихъ интересовъ земныхъ; не слышишь тутъ ни празднаго смѣха, ни пустыхъ, обидныхъ и бранныхъ словъ; не замѣчаешь тутъ ни суетности, ни споровъ, ни раздоровъ; словомъ, не замѣчаешь тутъ ничего такого, что бы разсѣевало, или соблазняло тебя; а напротивъ, все тутъ напоминаетъ тебѣ объ иной духовной жизни,—о томъ, что нужно тебѣ болѣе всего,—*о единомъ на потребу*. Объ этомъ напоминаютъ—и величественный видъ храмовъ монастырскихъ, и снаружи иногда украшенныхъ священными поучительными изображеніями,—и строго величавый гармоничный звонъ колоколовъ монастырскихъ, почти ежечасно призывающій иноковъ на молитву. А спокойный смиренный видъ иноковъ съ ихъ взаимными братскими поклоненіями, съ ихъ изможденными отъ поста и бдѣній лицами, съ ихъ благочестивыми думами на челахъ, съ ихъ привѣтливостью ко всѣмъ,—все это сразу переноситъ васъ, какъ бы, въ иной міръ,—какъ будто, не земной. И мірскіе люди, пришедшіе сюда на богомолье, становятся болѣе скромными, сосредоточенными, болѣе набожными. Переступаете вы порогъ храма монастырскаго, тутъ все поражаетъ васъ

и чистотою, и порядкомъ, и благоустройствомъ, и благолѣпіемъ. Лампады теплятся тутъ предъ сіяющими золотомъ образами во множествѣ; храмъ почти весь росписанъ, если не художественно, то подобающею святости храма живописью, поучительнѣйшими священными изображеніями. Тутъ нерѣдко встрѣтишь или святую чудотворную икону, или мощи какого нибудь святого въ благолѣпной ракѣ. Тутъ найдешь строгое выполненіе богослужебнаго церковнаго чина; тутъ услышишь стройное пѣніе иночествующей братіи, въ духѣ вполнѣ церковномъ и молитвенномъ. Тутъ невольно пробудится и въ душѣ твоей благоговѣйно молитвенный духъ, при благоговѣйныхъ священнодѣйствіяхъ иноковъ, всю жизнь свою посвятившихъ на служеніе Господу. Не тяготишься ты тутъ и продолжительностью церковнаго богослуженія; ибо оно совершается здѣсь чинно, стройно, благоговѣйно, благодатно. Душа тутъ невольно располагается къ молитвѣ, воодушевляется благоговѣйною молитвою и вступаетъ въ благодатное общеніе съ Господомъ. Умиленная душа готова бываетъ тутъ излить предъ Господомъ все, все, что только тяготитъ ее. Говѣніе въ монастыряхъ бываетъ болѣе благоплоднымъ, чѣмъ гдѣ нибудь. Если ко всей, располагающей къ молитвѣ и покаянію, обстановкѣ монастырской и въ особенности монастырскаго храма, прибавимъ еще внушительный видъ благочестиваго инока духовника, его благодатное слово, растворенное любовію и опытною мудростію, то отсюда будетъ понятнымъ то глубокое покаянное чувство, съ какимъ исповѣдываются и причащаются Святыхъ Таинъ богомольцы монастырскіе. Вотъ почему они и спѣшатъ сюда сотнями, тысячами, не жалѣя своихъ трудовыхъ грошей, не щадя своихъ потовыхъ трудовъ и здоровья, во время дальнихъ путешествій на

богомолье къ той или другой обители. И съ какою радостью они спѣшатъ сюда; и съ какимъ сожалѣніемъ они разстаются съ излюбленною обителью! Какъ они дорожатъ такимъ или другимъ священнымъ предметомъ, пріобрѣтеннымъ тутъ на память о посѣщеніи обители; съ какимъ восторгомъ передаютъ они потомъ всѣмъ своимъ роднымъ и знакомымъ о всемъ, что видѣли, слышали и перечувствовали во время своего богомолья! И не простой только народъ такъ высоко цѣнитъ наши святыя обители за ихъ религіозно-нравственное воспитательное значеніе; сюда нерѣдко спѣшатъ — ищутъ тутъ утѣшенія, облегченія, наставленія и мужи житейской мудрости, и мужи науки, и мужи сановитые— князья и государи. Вообще, монастырскія обители наши и прежде были и всегда будутъ выдающимися разсадниками благочестія, славными религіозно-воспитательными школами христіанской жизни. «Иди, учись у иноковъ, говорилъ еще въ свое время святый Іоаннъ Златоустъ въ одной изъ своихъ церковныхъ бесѣдъ; это свѣтильники, сіяющіе по всей землѣ,—это стѣны, коими ограждаются и поддерживаются сами города. Они для того удалились въ пустыню, чтобъ научить и тебя презирать суету мірскую. Они, какъ мужи крѣпкіе, могутъ наслаждаться тишиною и среди бури; а тебѣ, обуреваемому со всѣхъ сторонъ, нужно успокоиться и хотя мало отдохнуть отъ непрестаннаго прилива волнъ. Итакъ, ходи къ нимъ чаще, дабы, очистившись ихъ молитвами и наставленіями отъ непрестанно приражающихся къ тебѣ скверн, ты могъ и настоящую жизнь провести сколько можно лучше и сподобиться будущихъ благъ». Въ другой бесѣдѣ тотъ же златословесный учитель говорилъ: «въ монастырѣ удовольствіе непрестанно возрастаетъ въ душахъ зрителей; ибо навсегда остается

въ ихъ мысляхъ и образъ видѣнныхъ ими мужей, и пріятность мѣста, и чистота общества, и сладость прекраснаго духовнаго пѣнія... Кто, послѣ сего посѣщенія, возвращается домой, того жена встрѣчаетъ ласковымъ, кроткимъ, непристрастнымъ ни къ какому постыдному удовольствію, и въ обращеніи находитъ болѣе непринужденности, нежели прежде»; и пр. (Бесѣда 68 на еванг. Матѳея).

Говоря о высокомъ религіозно-нравственномъ воспитательномъ значеніи монастырей, мы, однако-же, не думаемъ умалять этимъ значенія нашихъ обыкновенныхъ приходскихъ христіанскихъ общинъ, особенно во время ихъ молитвенныхъ собраній,—и нашихъ обыкновенныхъ храмовъ, какъ бы они не были скромны и убоги. И тутъ христіанскія души всегда находили и будутъ находить для себя и благодатное утѣшеніе и вразумленіе. И всякая община христіанская, будь она въ городѣ, будь въ скромной деревнѣ, съ ея убогимъ храмомъ, съ ея скромною приходскою школою, съ ея пастыремъ, хотя и не особенно опытнымъ въ духовной жизни и не особенно учительнымъ, достаточно представляетъ и добрыхъ примѣровъ, и благочестивыхъ назиданій и вообще благодатныхъ средствъ для нашей духовной христіанской жизни. Но, воздавая каждому должное, мы все таки должны сказать, что въ благоустроенныхъ монастыряхъ этихъ благодатныхъ средствъ больше.

Итакъ, если кто имѣетъ желаніе и возможность хоть разъ въ жизни пойти на богомолье въ ту или другую святую обитель, того да благословитъ Господь на доброе дѣло и да поможетъ тому осуществить свое благое намѣреніе—получить возможно большую для себя душевную пользу въ этихъ, какъ говорится, святыхъ мѣстахъ нашихъ!

Отрывокъ изъ церковно-приходской лѣтописи села Малой Сквирки, сквирскаго уѣзда.

Пользуясь любезнымъ приглашеніемъ редакціи, я рѣшаюсь представить вниманію общества небольшой отрывокъ и своей церковно-приходской лѣтописи села Сквирки, сквирскаго уѣзда. Вызывается онъ, главнымъ образомъ, предварительными замѣчаніями лѣтописца с. Рубанаго Моста. Признаюсь: содержаніе лѣтописи составляло предметъ и моей предварительной думы, когда я въ свое время приступалъ къ лѣтописи; и я останавливался надъ этою задачею, и рѣшилъ ее по своему; на сколько удовлетворительно я рѣшилъ—это другой вопросъ. Но, какъ мнѣ кажется, важно уже и то, что лѣтописная мысль, по всему видно, работаетъ у насъ, какъ когда-то работалъ смиренный о. Пименъ въ тиши кельи. Мнѣ лично извѣстны лѣтописцы, начавшіе свою работу раньше меня. Мой же отрывокъ относится къ 1891 году, и, кажется, можетъ составить нѣчто самостоятельное цѣлое.

«...24 февраля. Но что и какъ долженъ я писать въ своей церковно-приходской лѣтописи? Вопросы, думаю, непраздные. Лѣтопись, какъ литературная форма письма, очень древня и можетъ быть понимаема въ самыхъ разнообразныхъ смыслахъ. Въ данномъ случаѣ, очевидно, смыслъ этотъ съуживается до значенія самого прихода въ общественной жизни вообще, и церковной въ частности. Поелику же приходъ (собственно сельскій) есть небольше какъ первичная единица общественности, своего рода ячейка въ гражданской жизни нашего благословеннаго отечества,—то такова, безъ сомнѣнія, должна быть и лѣтопись прихода. Приходская лѣтопись села М. Сквирки будетъ, такимъ образомъ, и по своимъ размѣрамъ, и по содержанію, чѣмъ-то крошечнымъ, какъ бы незамѣтнымъ литературнымъ актомъ. Ея интересы не идутъ дальше своего роднаго гнѣзда и вращаются въ самомъ тѣсномъ кругу своего прихода.

Лѣтопись эта, кромѣ того, именуется *церковно*-приходскою. Это характерная особенность, дающая ей свой особый обликъ. Дѣло въ томъ, что «приходская» и «сельская» жизнь, равно какъ «гу-

бернская» и «епархіальная», будучи, по существу своему, неотдѣлимы одна отъ другой, имѣютъ каждая свои специфическія особенности. Въ виду сего, и наблюдателю *церковно*-приходской жизни естественнѣе всего усматривать черты религіозно-нравственнаго состоянія прихода, въ которомъ находится онъ. Всякое явленіе, всякій фактъ изъ этой жизни, какъ бы простъ ни былъ онъ самъ по себѣ, будетъ для лѣтописца прямымъ показателемъ такого или иного религіозно-нравственнаго состоянія прихода въ настоящемъ и залогомъ такого или иного его положенія въ будущемъ. Въ этомъ заключается смыслъ церковно-приходской лѣтописи.

Строго говоря, вся общественная жизнь православнаго христіанскаго общества должна бы проникаться принципами христіанскаго міровозрѣнія и по нимъ устроять себя. Но это христіанская pia desideria, желанный идеалъ. Въ дѣйствительности же жизнь общества (даже и въ границахъ села), какъ и жизнь отдѣльнаго человѣка, устроняются не какъ хочется, а какъ можется. Всевозможныя вліянія и давленія на жизнь также часто непреодолимы какъ и физическія силы. Чѣмъ меньше, при этомъ, общественная единица, тѣмъ ощутительнѣе на нее всякія вліянія. Церковно-приходская лѣтопись успѣшно выполнитъ свою задачу, когда искренно и безъ всякихъ предубѣжденій, своевременно, и, такъ сказать, шагъ за шагомъ, пойдетъ за религіозно-нравственной жизней прихода, опознаетъ ее, разсмотритъ ее на всѣхъ путяхъ и въ себѣ самой, и, если можно такъ выразиться, отобразитъ ее. Всякія выводы послѣ этого будутъ какъ бы неумѣста; они будутъ даваться сами собой и могутъ послужить многоразличнымъ цѣлямъ. Трудно и представить — какое духовное богатство совмѣстилось бы въ этихъ крошечныхъ церковно-приходскихъ лѣтописяхъ, если бы онѣ дѣйствительно явились въ своемъ истинномъ и естественномъ видѣ.

И жизнь прихода, на самомъ дѣлѣ, далеко не такъ мелка и безсодержательна, какъ иные ее представляютъ. Она проста и примитивна, если ее сравнивать съ жизнію городскою; она бѣдна и сѣра своею внѣшностію, какъ ея костюмъ; она скромна и во всякомъ случаѣ не любитъ выдвигаться впередъ, — но и среди

ея все таки бьетъ живой ключъ жизни. Она непремѣнно имѣетъ свои существенныя черты, въ которыхъ и воплощаетъ себя. Иначе и быть не можетъ. Разсмотрѣть эти черты участливо и съ умѣньемъ отобразить ихъ въ своей лѣтописи,—это и будетъ настоящею задачею лѣтописца.

26 Февраля.—Не мѣшаетъ столковаться и о лѣтописцѣ. Лѣтописецъ—это сама лѣтопись; каковъ лѣтописецъ—такова и лѣтопись: слѣдов., кто же онъ?—по всѣмъ даннымъ никто другой, какъ мѣстный приходскій священникъ. Само пріуроченье лѣтописи къ церкви уже говоритъ за себя. Понятно, лѣтопись можетъ вести и діаконъ, и псаломщикъ, и даже постороннее приходское лицо. Но діаконъ, не принимая во вниманіе даже ограниченности его образовательнаго ценза, ткая рѣдкость въ нашихъ сельскихъ приходахъ, что о немъ, повидимому, не можетъ быть и серьезной рѣчи. Псаломщикъ же и въ настоящее время въ Сквиркѣ человѣкъ полуграмотный, не бывшій въ школахъ: ему ли книги въ руки? А затѣмъ кто же? сквирецкій приходъ въ данное время, въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова, не только не имѣетъ подходящаго для сей цѣли человѣка, но и прямо хоть сколько-нибудь толковитаго. О полякахъ и иновѣрцахъ, разумѣется, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. И вотъ, положеніе сквирецкаго прихода. Но такое положеніе, смѣю утверждать, и довольно значительнаго числа приходовъ... И выходитъ, что самою силою вещей священникъ неизбѣжно является лѣтописцемъ своего прихода и долженъ понести эту тяготу. Для него это и по силамъ, и сподручно во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ виду такихъ именно соображеній, безъ сомнѣнія, и церковь, и общество, уже не одинъ десятокъ лѣтъ, ждутъ отъ приходскаго священника его лѣтописнаго матеріала и на немъ желали бы обосновать многоразличныя цѣли. Надежды эти особенно оживились со дня освобожденія крестьянъ, а съ ними нѣкоторымъ образомъ, и приходскаго духовенства. О церковно-приходскихъ лѣтописяхъ тогда заговорили вслухъ и съ великимъ интересомъ. Какъ бы въ образецъ такихъ лѣтописей, нѣкоторые духовные журналы (напр. «Православное Обозрѣніе») завели у себя особыя отдѣлы подъ названіемъ: *церковная лѣтопись*, а одинъ журналъ носилъ даже свое имя «Церковная лѣтопись». И все это,

въ связи съ общимъ настроеніемъ, какъ бы ясно говорило о какомъ-то желаніи урегулировать лѣтописное дѣло и дать ему болѣе или менѣе положительный, опредѣленный обликъ; но вышло ли что нибудь изъ этого—незнаю. Помню очень хорошо, что въ 70-хъ годахъ и наше кіевское епархіальное начальство издало распоряженіе священникамъ описать свои церкви и приходы,—описать совершенно въ такой формѣ, какая теперь рекомендуется для веденія церковно-приходской лѣтописи. И описанія сдѣланы; мало того, повидимому, на основѣ этихъ описаній, и явилось сочиненіе Похилевича: «о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской епархіи». Вслѣдъ за этимъ все улеглось и затихло на долго. Уже послѣднему времени суждено опять воскресить вопросъ о церковно-приходскихъ лѣтописяхъ и какъ будто съ большою силою. Взгляды на церковно-приходскую лѣтопись расширяются подъ вліяніемъ того религіозно-нравственнаго подъема духа народнаго, который даетъ нынѣшнее царствованіе; и мотивы теперь разнообразятся. Во всякомъ случаѣ, о лѣтописяхъ заговорилъ Св. Сиподъ, а это уже слишкомъ авторитетный призывъ. За симъ призывомъ, естественно, появились частныя распоряженія епархіальнаго начальства о заведеніи при церквахъ церковно-приходскихъ лѣтописей, и самыя лѣтописи пріурочены къ обязательнымъ и необходимымъ документамъ церкви; при архіерейскихъ ревизіяхъ лѣтописи требуются къ отчету. Очевидно, *духъ инъ въ костехъ сихъ*.

И дай Богъ побольше жизненности и успѣха этому новому начинанію нашихъ церковно-приходскихъ лѣтописей. Я отъ души привѣтствую возрожденіе ихъ и берусь за свою лѣтопись, какъ думается мнѣ, съ полною любовью и охотою. Боюсь только, чтобы самое усердіе мое не стало мнѣ въ камень преткновенія. При моемъ взглядѣ на лѣтопись, какъ на нѣчто живое и отзывчивое въ церковно-приходской жизни, предъявляемый къ ней, съ перваго же раза, оффиціальный взглядъ, едва-ли послужитъ для нея оживляющимъ началомъ. Съ оффиціальной жизнью мы знакомы слишкомъ хорошо; ее чувствуемъ, можно сказать, на каждомъ шагу. Если поэтому такой-же чисто оффиціальный взглядъ установится и на лѣтопись, то можно будетъ пожалѣть о лишней обузѣ, возложенной на священника. Вѣдь, всѣ болѣе или менѣе существен-

ныя, жизненныя функціи прихода становятся извѣстными начальству чрезъ многоразличныя донесенія, рапорты, отчеты и пр.,— извѣстны чрезъ самыхъ священниковъ, оо. благочинныхъ, наблюдателей и т. п. Въ какой же затѣмъ роли выступитъ церковно-приходская лѣтопись, какъ оффиціальный документъ?.. Мнѣ передавали, что, при послѣдней архіерейской ревизіи, лѣтопись представлялась, напр., въ такомъ видѣ: на двухъ-трехъ страницахъ выписка о церкви и приходѣ изъ Похилевича,—затѣмъ помѣщенъ фактъ ближайшей архіерейской ревизіи,—и лѣтопись окончена моя!.. Но что же это: неумѣніе, нежеланіе, или то и другое вмѣстѣ? Думаю, что только чистая, неподдѣльная формалиитика. Человѣкъ и въ роли лѣтописца остается тѣмъ же человѣкомъ. И разъ онъ пишетъ лѣтопись, какъ извѣстную форму отчета, онъ съумѣетъ подладиться къ своему положенію; но духа жизни онъ можетъ и не являть въ своемъ писаніи. Очевидно, такое начало, по пословицѣ, не есть доброе начало.

Съ своей точки зрѣнія на церковно-приходскую лѣтопись, я желалъ бы послѣдней побольше искренности и непринужденности, живого и неподдѣльнаго интереса. Во многихъ случаяхъ есть достаточно довлѣющихъ основаній не все и вся печатать,—другими словами— не всякій современный фактъ передавать общественному вниманію, не рискуя иногда, вмѣсто пользы, получить вредъ; но правдиво искренее занесеніе всякаго такого факта въ форму лѣтописнаго сказанія—есть уже прямо вещь желательная. Церковно-приходская лѣтопись на столько частное явленіе, что о немъ почти не знаютъ и окружающіе. Къ чему же, въ такомъ случаѣ, скрываться какъ бы и отъ себя? Въ роли лѣтописца, я ни на минуту не забываю, что я съ тѣмъ вмѣстѣ и приходской священникъ,—что самая приходская жизнь для меня не простой только объектъ наблюденій, но въ нѣкоторомъ родѣ моя собственная жизнь. По самой идеѣ священническаго служенія своего, я взираю на приходъ свой какъ на нѣкую святыню, къ которой стремятся всѣ лучшія мои пожеланія. Отсюда, если я честенъ, энергиченъ и съ любовью отдаюсь своему долгу, приходъ мой волею-неволею и болѣе или менѣе пойдетъ въ уровень съ моими усиліями. Слѣдов., я самъ— лѣтописецъ—уже дѣлаюсь нѣкоторымъ образомъ объектомъ наблю-

деній. Но записанныя въ лѣтопись усилія, посредствомъ кото рыхъ достигалась моя цѣль,—записанныя въ лѣтописи даже ошибки и непріятности, встрѣчавшіяся на пути,—неужели онѣ будутъ излишни въ лѣтописи, будутъ своего рода самохвальствомъ лѣтописца? Жизнь православнаго прихода, какъ бы по какому-то фатальному недоразумѣнію и, во всякомъ случаѣ, къ полнѣйшему соблазну и нравственному расслабленію, сплошь и рядомъ слагается изъ столкновеній прихожанъ со своимъ причтомъ. Оффиціальныя отношенія начальства къ этимъ столкновеніямъ очень извѣстны: это безконечныя дознанія, слѣдствія, запрещенія священнослуженія, монастырь и т. д. Представимъ себѣ, что и лѣтописецъ попалъ въ эту передрягу. Оффиціальная часть дѣла идетъ своимъ чередомъ, а лѣтописецъ въ своей лѣтописи будетъ самъ въ своей тугой. Почему бы не высказать ему въ своей лѣтописи всѣхъ дѣйствительныхъ деталей своего положенія? Допустимъ даже, что онъ выскажется тутъ своеобразно, односторонне, именно такъ, какъ думаетъ въ данную минуту онъ и его противная сторона,—но это и есть существенно нужное. Пусть и эти многоразличныя мотивы передрягъ занесутся на страницы церковноприходской лѣтописи и сохранятся здѣсь, какъ печальныя страницы жизни. Что мудреннаго, если въ будущемъ воспользуются этимъ матеріаломъ и освѣтятъ по нему не только мѣстную приходскую жизнь, но и выступятъ съ болѣе широкими обобщеніями? Но оставимъ, наконецъ, мечту и объ отдаленномъ будущемъ. Лѣтопись, первѣе всего, нужна мнѣ же и моему непосредственному преемнику. Если приходскій священникъ доподлинно есть руководитель религіозно-нравственной жизни своего прихода, центральная сила его; то фактическая сторона этой жизни, занесенная въ лѣтопись, будетъ для него и восполненіемъ его памяти, и отображеніемъ его дѣйствій, и—что важнѣе всего—показателемъ жизни его прихода. Жизнь каждаго прихода, не смотря на его христіанскій обликъ и извѣстную условленную гражданственность, общія всякому приходу, имѣетъ все таки и свой самобытный ростъ, и своего рода индивидуальность. Поэтому, постройка въ приходѣ, не говорю церкви,—какой-нибудь фабрики, а тѣмъ болѣе сахарнаго завода, измѣняетъ на столько нравственную физіономію прихода,

что священникъ съ трудомъ услѣдитъ за этимъ измѣненіемъ. Населеніе фабрики еврейское, польское и под., въ свою очередь, даетъ особые жизненные соки приходу. И счастливъ священникъ, если эти соки по крайней мѣрѣ непрямо злокачественны... Что же удивительнаго, если священникъ дышетъ этою жизнію, и всѣ наблюденія свои вноситъ въ лѣтопись. Лѣтопись, связывая его разрозненныя усилія одною мыслію и заботою о нуждахъ своего прихода, дастъ ему правильную выработку и постановку,—что въ свою очередь пріймется во вниманіе и его преемникомъ. Но для всего этого опять таки лѣтописецъ неизбѣжно долженъ быть искрененъ и правдивъ. Пусть нѣкоторые факты съ перваго раза представятся ему и въ невѣрномъ видѣ, онъ непремѣнно замѣтитъ свою оплошность въ дальнѣйшемъ поступаніи: жизнь сама обнаружитъ сіе. А это также на столько дорого, на сколько всякому священнику нужно истинное пониманіе окужающей его жизни.

И вотъ почему, мнѣ думается, что взглядъ на лѣтопись, какъ на нѣчто оффиціальное, есть взглядъ невѣрный, который не послужитъ во благо самымъ лѣтописцамъ. Архипастырю, безъ сомнѣнія, вездѣ мѣсто. Онъ и лѣтописи прочитываетъ, когда находится въ приходѣ и имѣетъ время; забота и любовь архипастыря къ своей паствѣ, по самой силѣ вещей, всегда представляется съ характеромъ всеобъемляющимъ и благожелательнымъ. Нравственныя язвы христіанскаго общества, составляющаго его паству, его не оскорбляютъ, но печалятъ и озабочиваютъ; онъ и долженъ ихъ знать. Всякая искренность и правдивость лѣтописей по этому оцѣниваются имъ не какъ преднамѣренная враждебность, а какъ добрая благожелательность со стороны его сотрудниковъ—приходскихъ священниковъ, вкупѣ и лѣтописцевъ... Въ противномъ случаѣ, повторяю, лучше и не браться за лѣтопись, которая въ лучшемъ случаѣ станетъ осколкомъ другъ съ друга и ни въ какомъ случаѣ не явитъ своей индивидуальности.

28 февраля.—Такимъ образомъ, поступая на службу церковно-приходскаго лѣтописца, я искренно и сильно желалъ бы принести пользу своему приходу. Приходъ мой имѣетъ полное право требовать отъ меня не священнической только службы, но и лѣтописной. Среди него я живу не только для него, но и для

себя лично. Онъ—кормилецъ мой въ прямомъ и лучшемъ смыслѣ; почему же мнѣ, связавшему съ нимъ и свою нравственную, и свою матеріальную жизнь, не связать затѣмъ и лѣтописную?.. Остается, значитъ, условиться: какъ, въ какой формѣ повести свою церковно-приходскую лѣтопись.

Рекомендуютъ обыкновенно начинать съ прошедшаго прихода, изобрзивъ его въ приличномъ очеркѣ, и затѣмъ уже вести повременную лѣтопись, т. е., день за день записывать тѣ современныя лѣтописцу событія, которыя будутъ напрашиваться на его вниманіе. Методъ естественный, особенно для лѣтописца, какъ мой Я—й сосѣдъ, прожившій 35 лѣтъ на одномъ мѣстѣ. Но для меня лично такой методъ въ данную минуту почти невыполнимъ. Я человѣкъ новый въ своемъ приходѣ, и мнѣ надлежитъ предварительно собрать нужный матеріалъ для прошедшаго моего прихода, чтобы составить болѣе или менѣе, по своимъ силамъ, обстоятельный очеркъ. Отсюда, чтобы не терять времени и фактическаго матеріала, я непосредственно приступаю къ современной лѣтописи, а прошедшее у меня будетъ добрымъ будущимъ. Очевидно, обѣ эти работы могутъ идти и одновременно, но собственно въ послѣдней своей части—какъ подготовительный матеріалъ. Потери, во всякомъ случаѣ, не должно выйти отъ этого. Если прошедшее прихода должно явиться въ обработанномъ видѣ, то подобный очеркъ будетъ уже, собственно говоря, не лѣтописью въ строгомъ смыслѣ, а скорѣе исторіею прихода. Для исторіи же прихода будетъ болѣе выгодно, когда, при веденіи повременной лѣтописи, прійдется останавливаться на вопросахъ хотя и современныхъ, но прямо вытекающихъ изъ прошедшаго; такое столкновеніе только осугубитъ интересъ изученія прошедшаго и дастъ этому изученію правильную основу.

Священникъ *Серапіонъ Подгаецкій*

Еще объ устройствѣ народныхъ чтенiй съ тѣневыми картинами волшебнаго фонаря.

Религiозно-нравственныя собесѣдованiя и народныя чтенiя широкою сѣтью распространяются уже въ самыхъ скромныхъ уголкахъ нашего отечества, всюду привлекая массу слушателей, которымъ они доставляютъ пользу и удовольствiе, отвлекая ихъ въ тоже время отъ празднаго и пагубнаго препровожденiи времени въ домахъ подъ желтыми табличками. Въ статьѣ «объ устройствѣ народныхъ чтенiй съ тѣневыми картинами волшебнаго фонаря», помѣщенной въ № 13 «Кiевск. Епарх. Вѣд.» 1893 года, достаточно сказано о значенiи употребленiя тѣневыхъ картинъ при народныхъ чтенiяхъ,—о томъ, кѣмъ ведутся и какимъ успѣхомъ пользуются эти чтенiя съ картинами и какое производятъ впечатлѣнiе на нашихъ крестьянъ. Теперь же беремъ смѣлость предложить просвѣщенному вниманiю дѣятелей народнаго образованiя нижеслѣдующiя свои соображенiя о томъ, какъ просто и удобно можно устроить народныя чтенiя съ картинами въ районѣ какого-либо благочиннического округа или, еще лучше, цѣлаго уѣзда.

Необходимый для показыванiя картинъ волшебный фонарь, цѣнный по своему значенiю приборъ, не подвергается порчѣ, при умѣломъ обращенiи съ нимъ, а потому и не теряетъ своей стоимости. Довольно хорошъ фонарь—въ 30 руб., дающiй изображенiе на экранѣ въ 3 арш.; еще лучшiй фонарь стоитъ 55 руб. и даетъ изображенiе въ 4 арш. Эти фонари освѣщаются керосиномъ и отличаются простотой своего устройства. Во много разъ дороже фонаря обходятся тѣневыя картины. Нераскрашенная картина стоитъ 80 коп., раскрашенная же отъ 1 р. 50 к. до 10 и болѣе рублей, смотря по достоинству. Но за то какъ эффектны бываютъ эти картины! Какъ занимательнымъ становится чтенiе съ картинами, какъ увлекаются ими даже взрослые, не говоря уже о дѣтяхъ. Послѣднiя, при помощи картинъ, могутъ прекрасно повторять священную и русскую исторiю. Скажемъ тутъ, что по Ветхому завѣту имѣется уже 169 картинъ, да по Новому—98. До 100 картинъ

есть по исторіи церкви Христовой, да около 1000 по отечественной исторіи. Вотъ почему никакой приходъ, никакая школа не въ состояніи самостоятельно составить у себя достаточную коллекцію тѣневыхъ картинъ. Для этого нужны сотни и даже тысячи рублей. Потому то мы и видимъ, что за устройство народныхъ чтеній съ тѣневыми картинами берутся спеціально занятыя этимъ дѣломъ комиссіи, богатыя средствами братства и попечительства и, наконецъ, уѣздныя отдѣленія, на основаніи пункта е § 6 правилъ.

Волшебный фонарь съ нехитрими принадлежностями къ нему можетъ быть пріобрѣтенъ или попечителями школъ, или средствами прихожанъ, или, наконецъ, на церковный счетъ. Небогатые и близкіе между собою приходы могутъ пріобрѣсть волшебный фонарь совмѣстно. Допустимъ, что на первыхъ порахъ въ какомъ либо округѣ или уѣздѣ только 10 школъ заведутъ у себя народныя чтенія. Для перваго дебюта, такъ сказать, нужно пріобрѣсть картины къ слѣдующимъ 10 чтеніямъ: 1) Уничиженіе на землѣ Господа нашего Іисуса Христа; 2) Чему училъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ; 3) Слава на землѣ Господа нашего Іисуса Христа (всѣ три брошюры Опатовича); 4) Житіе Богоматери—Соколова; 5) Языческая вѣра до Христа—Пѣвцова; 6) О трудахъ св. апостоловъ—его-же; 7) Гоненіе на первыхъ христіанъ—его-же; 8) Начало христіансгва на Руси и крещеніе ея—его-же; 9) Распространеніе христіанства послѣ св. Владиміра—его-же; 10) О богослуженіи православной церкви—Соколова. Полный комплектъ картинъ къ этимъ чтеніямъ состоитъ изъ 171-ой. Можно думать, что уѣздное училищное отдѣленіе, дабы положить починъ столь важному дѣлу, не постѣснится ассигновать рублей 200 на пріобрѣтеніе этихъ картинъ. Въ первый читальный сезонъ каждая изъ 10 школъ воспользуется 171 картиной, уплачивая за прокатъ каждой картины по 5 к., а за всѣ 171 картину 8 р. 55 коп. Всѣ же 10 школъ уплатятъ 85 руб. 50 коп. Если отдѣленіе дастъ пособіе въ 14 руб. 50 коп., то составится сумма въ 100 рублей, за которые можно пріобрѣсть 60 картинъ. Ко второму читальному сезону мы будемъ имѣть коллекцію картинъ въ 231. Если, допустимъ, что во второмъ сезонѣ прибавится 20 школъ, желающихъ устро-

ять чтеніе, каковыя школы и воспользуются 231 картиной съ платой по 5 коп., а прежніе 10 школъ 200 картинъ съ платой по 4 коп., то будетъ выручено за прокатъ картинъ 311 рублей. За эти деньги можно купить 180 картинъ, что съ прежними составитъ коллекцію въ 411 штукъ. Допустимъ, что только лишь 30 школъ въ какомъ либо уѣздѣ устроятъ у себя чтенія, а остальныя совершенно не будутъ пользоваться картинами. Обязавши каждую школу, при дружномъ, конечно, синдикатѣ школъ, воспользоваться въ третьемъ читающемъ сезонѣ 200 картинъ, съ платой для первыхъ 10 школъ по 3 коп., а для остальныхъ 20 по 4 коп., выручимъ за прокатъ картинъ 220 рублей. За эти деньги можно купить 145 картинъ, что съ прежними составитъ 566 картинъ. Въ четвертомъ сезонѣ можно назначить плату разъ навсегда въ 2—3 копѣйки. Само собою разумѣется, что если число школъ «съ чтеніями» достигнетъ 50—60, то и коллекція картинъ будетъ живо пополняться и плату за прокатъ картинъ можно назначить самую ничтожную, именно *въ 1 коп.*

Такимъ образомъ, по нашему разумѣнію, могутъ устрояться народныя чтенія съ картинами. Въ дѣятельномъ участіи священниковъ въ народныхъ чтеніяхъ мы не сомнѣваемся, потому что здѣсь они свободно могутъ вѣщать людямъ глаголы живота вѣчнаго, предлагая своимъ слушателямъ, помимо чтенія, въ живомъ, столь дѣйственномъ словѣ, уроки и примѣры вѣры и жизни христіанской. Благіе результаты устройства народныхъ чтеній не замедлятъ сказаться. Отчеты земскихъ училищныхъ комиссій констатируетъ тотъ фактъ, что народныя чтенія возбуждали въ слушателяхъ охоту къ чтенію книгъ, спросъ на которыя доходилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до того, что разбирались даже учебники. Народныя чтенія послужатъ, значитъ, средствомъ къ устройству сельскихъ библіотекъ, которыя будутъ пріобрѣтать книги изъ книжнаго склада при отдѣленіи. Тотъ-же складъ, запасшись кромѣ книгъ и картинами религіознаго содержанія, а также и иконами хорошаго письма, можетъ открывать продажу ихъ при школахъ. А какими книгами, картинами и иконами пробавляется сельскій людъ—всякому хорошо извѣстно. Народныя чтенія, при хорошей постановкѣ, принесутъ не малую пользу,—и никто, какъ стоящіе во

главѣ просвѣщенія народа—училищный совѣтъ и его отдѣленія должны сдѣлать починъ въ дѣлѣ устройства чтеній, тѣмъ болѣе, что это не сопряжено съ большими затрудненіями или громадными денежными затратами. Не даромъ вопросъ объ устройствѣ народныхъ чтеній въ школахъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ числѣ предметовъ подлежащихъ обсужденію съѣзда представителей училищныхъ совѣтовъ, имѣющаго быть въ Кіевѣ съ 15 по 25 іюля сего года (№ 9 «Кіевск. Епарх. Вѣд.»).

Священникъ *Іаковъ Росновскій.*

Что лучше для пастыря—поддерживать ли домашнее общеніе съ пасомыми, или уклоняться отъ него?

Замѣтка наша, помѣщенная въ № 8 «Кіев. Епарх. Вѣд.» подъ заглавіемъ «Одна изъ причинъ, отдаляющихъ пасомыхъ отъ пастыря», въ которой мы указывали, что нехорошо дѣлаютъ тѣ изъ собратій, которые уклоняются отъ раздѣленія трапезы въ домахъ пасомыхъ и держатся настолько высоко, что съ своей стороны считаютъ унизительнымъ для себя угостить пасомаго у себя при удобномъ случаѣ,—очевидно, невѣрно понята нѣкоторыми нашими собратьями; такъ какъ одинъ изъ нихъ, разбирая нашу замѣтку, говоритъ, между прочимъ: «...ошибочно думать и возлагать большія надежды на угощеніе и чай. Очень дешевыя средства...; а дешевыми средствами достигаются и дешевыя цѣли.» Положеніе, смѣемъ думать, не совсѣмъ вѣрное, потому что дешевыми средствами достигаются не всегда лишь дешевыя цѣли. Мы могли бы привести и указать почтенному собрату сотни примѣровъ, когда именно дешевыми средствами достигаются весьма почтенныя цѣли. Напр., кусокъ хлѣба, или стаканъ воды могутъ спасти жизнь человѣка, умирающаго отъ голода и жажды; или—нѣсколько гранъ хинина излечиваютъ иногда мучительную болѣзнь;

одно ободряющее слово духовника или врача можетъ произвесть цѣлительное дѣйствіе на организмъ человѣка и т. д. и т. д... Стало быть, не всегда дешевыя средства служатъ лишь для дешевыхъ цѣлей. Да, наконецъ, когда пастырь угощаетъ пасомаго чаемъ, то развѣ въ этомъ случаѣ цѣнится самый напитокъ? Здѣсь роль играетъ честь ему оказываемая, а не матеріальная цѣнность напитка,—и пасомый цѣнитъ именно честь, а не напитокъ; а эта честь дѣйствительно могущественна и производитъ замѣчательныя дѣйствія. Когда, напр., г. Начальнику края благоугодно было пригласить къ себѣ депутатовъ епархіальнаго съѣзда и угостить ихъ чаемъ («дешевое средство»), поговоривъ съ ними въ домашней бесѣдѣ, то этотъ случай произвелъ не только на депутатовъ, но и на все духовенство самое прекрасное, чарующее дѣйствіе: оказанная скромнымъ сельскимъ пастырямъ высокая честь со стороны столь высокопоставленнаго лица подняла духъ всѣхъ сельскихъ пастырей и имѣла несомнѣнно самое лучшее воздѣйствіе. Смотрѣть же въ такихъ случаяхъ лишь съ точки зрѣнія матеріальной цѣнности напитка или пищи—взглядъ слишкомъ узкій....

«На трапезы надежды мало»...: пишетъ почтенный о. Гордіевскій. Почему? спросимъ его съ своей стороны. Развѣ о. Гордіевскій на оныхъ это испыталъ? Мы будемъ горячо отстаивать наше мнѣніе по данному вопросу, потому что глубоко убѣждены въ цѣлесообразности его.

Проситъ, напр., пасомый отслужить въ его домѣ панихиду или молебенъ, при чемъ, конечно, по вѣковому обычаю, приглашаетъ пастыря раздѣлить съ нимъ и его гостями трапезу (такіе случаи въ приходѣ весьма часты; ихъ можно считать сотнями въ годъ). Лучше ли сдѣлаетъ пастырь, если подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ откажется отъ предложенной трапезы, или охотно проведетъ часъ времени въ интимной домашней бесѣдѣ съ пасомымъ и его гостями? Развѣ при этомъ приличная случаю бесѣда съ пасомыми не можетъ произвесть желаннаго дѣйствія въ смыслѣ пастырскаго вліянія на прихожанъ? И почему именно о. Гордіевскій находитъ такія трапезы неудобными и нецѣлесообразными, говоря: «на трапезы надежды мало»? Уже потому одному, что присутствіе пастыря на трапезѣ могло бы повліять въ смыслѣ болѣе умѣрен-

наго употребленія спиртныхъ напитковъ трапезующими,—уже одно это должно бы имѣть значеніе въ глазахъ пастыря въ такихъ случаяхъ,—не говоря уже о томъ, что приличная и соотвѣтствующая случаю бесѣда пастыря, несомнѣнно, не осталась бы безъ вліянія на пасомыхъ. Или, напр., приходитъ пасомый къ пастырю по какому либо дѣлу и застаетъ его за чаемъ. Нѣкоторые пастыри, обыкновенно, принимаютъ такихъ просителей у порога,—стоя бесѣдуютъ съ ними, и, поговоривъ нѣсколько о дѣлѣ, отправляютъ пасомаго во свояси; а по нашему мнѣнію, въ такомъ случаѣ было бы благоразумнѣе пригласить крестьянина, хотя бы онъ былъ и не изъ пріятелей, къ столу и предложить ему стаканъ чаю, отъ котораго онъ никогда не откажется; иногда можно и слѣдовало бы и спеціально пригласить то того, то другаго изъ прихожанъ на чай. Такъ поступали въ старину наши предшественники—старики и, благодаря этому, жили съ прихожанами дружно; послѣдніе ихъ искренно любили и уважали. Средство испытанное, хотя и не дорогое, но дѣйствительное. Если же о. Гордіевскій и утверждаетъ, что «ошибочно думать и возлагать большія надежды на угощеніе и чай», потому что это дешевыя срества, а такими средствами, дескать, достигаются лишь дешевыя цѣли; то мы позволимъ себѣ не соглашаться съ почтеннымъ собратомъ и совѣтуемъ ему испытать это средство на опытѣ. «Раздѣлить трапезу съ священникомъ прихожанинъ желаетъ только въ томъ случаѣ, если онъ видитъ въ немъ не чиновника, получающаго извѣстную плату за трудъ, а пастыря, любящаго свою паству»: пишетъ далѣе о. Гордіевскій. Такихъ случаевъ,—что бы прихожанинъ уклонялся отъ предложенной пастыремъ трапезы—намъ не приходилось ни видѣть, ни слышать о нихъ; и намъ просто не вѣрится, чтобъ были такіе случаи въ жизни пастырей. Если же такіе случаи о. Гордіевскому извѣстны, то, несомнѣнно, что они не болѣе, какъ печальное и очень рѣдкое исключеніе; а, конечно, не о такихъ случаяхъ была у насъ рѣчь.

Что касается приглашенія о. Гордіевскаго—«сближаться съ своими прихожанами въ церкви, посредствомъ проповѣди», то оно совершенно излишне, ибо само собою разумѣется: это есть первый и существенный долгъ всякаго пастыря,—и онъ, тѣмъ не менѣе,

никогда не можетъ исключать собою иныхъ случаевъ сближенія пастыря съ пасомыми, о которыхъ у насъ прежде была рѣчь.

Священникъ *Іеронимъ Ясинскій.*

Примѣч. редакціи. По нашему крайнему разумѣнію, разногласіе между о. о. Гордіевскимъ и Ясинскимъ—мнимое, кажущееся, какъ то очень часто бываетъ между спорящими сторонами. Вѣдь, оба они согласны въ томъ, что въ основѣ сближенія пастыря съ пасомыми должна быть прежде всего и главнѣе всего любовь, безъ которой всякія искуственныя средства ни къ чему не приведутъ. Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Въ какой бы формѣ непроявлялясь нравственная симпатія къ человѣку, послѣдній почувствуетъ ее, хотя, можетъ быть, и не сразу. Пріятенъ и стаканъ чаю предложенный прихожанину съ радушіемъ и любовью; но не безъ добраго нравственнаго воздѣйствія и не безъ нѣкотораго утѣшенія бываетъ даже и строгій выговоръ, высказанный отъ сердца съ любовію, ко благу ближнему. А между тѣмъ, и обильныя роскошныя трапезы и цѣлые потоки любезностей, которыми иногда угощаютъ насъ наши мнимые пріятели, не веселятъ нашихъ душъ. Истина простая любовь скрашиваетъ всѣ формы, въ которыхъ она проявляется; а безъ любви всѣ формы, искуственно придумываемыя для нея— гробы повапленные. Да царствуютъ же между всѣми нами—и пастырями и пасомыми—прежде всего любовь и взаимное уваженіе другъ къ другу!

Извѣстія и замѣтки.

— **Прибытіе въ Кіевъ высокопреосвященнѣйшаго Іоанникія.** 15 іюня въ $5^1/_2$ час. по полудни, курьерскимъ поѣздомъ Кіево-Воронежской желѣзной дороги, прибылъ высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, митрополитъ кіевскій и галицкій. На вокзалѣ его высокопреосвященство былъ встрѣченъ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великой Княгиней Александрой Петровной, г. начальникомъ края, графомъ А. П. Игнатьевымъ съ супругой, г. кіевскимъ губернаторомъ, гофмейстеромъ Л. П. Томарою, начальникомъ жандармскаго

управленія, ген.-м. В. Д. Новицкимъ, преосвященными викаріями: ректоромъ Академіи Сильвестромъ, епископомъ каневскимъ,—Іаковомъ, епископомъ чигиринскимъ,—Іоанникіемъ, епископомъ уманскимъ, каѳедральнымъ протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ, ключаремъ Софійскаго собора, прот. А. Браиловскимъ, членами Кіевской духовной консисторіи и секретаремъ ея—Ст. А. Ольшевскимъ, настоятелемъ греческаго монастыря, архимандритомъ Мелетіемъ,- ректоромъ Семинаріи, архиманд. Іоанникіемъ, профессорами духовной Академіи и преподавателями Семинаріи, смотрителями духовныхъ училищъ, благочинными и настоятелями церквей г. Кіева. Поѣздъ, съ которымъ прибылъ его высокопреосвященство, долженъ былъ прибыть въ 4 часа по полудни, но вслѣдствіе опозданія пришелъ $1^1/_2$ часа спустя. На перронѣ вокзала собралась многочисленная толпа народа, которая ждала прибытія Владыки. При выходѣ изъ вагона, Владыка, благословивъ народъ, поздоровался съ преосвященными и другими высокопоставленными лицами, а затѣмъ прошелъ въ покои, гдѣ дожидала Владыку Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Петровна. Благословивъ и здѣсь присутствовавшихъ, Владыка отправился въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ и будетъ проживать въ митрополичьихъ покояхъ.

Высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, по пути въ Кіевъ изъ Петербурга, провелъ въ Москвѣ три дня и освящалъ храмъ на своей родинѣ въ каширскомъ уѣздѣ, тульской губерніи, а также посѣтилъ въ Курскѣ преосвященнаго Ювеналія, бывшаго намѣстника Кіево-Печерской лавры.

— 13 го іюня исполнилось десятилѣтіе со времени учрежденія въ Имперіи церковно-приходскихъ школъ. По этому случаю предсѣдатель училищнаго совѣта при Св. Синодѣ, главный организаторъ и руководитель этого дѣла, преосвященный Германъ, епископъ, бывшій кавказскій, нынѣ присутствующій въ Св. Синодѣ, удостоился получить *бриллiантовый крестъ на клобукъ*—рѣдкая награда, которую изъ нашихъ іерарховъ имѣютъ всего четверо: архіепископы: Ѳеогнистъ—новгородскій и Іонаѳанъ—ярославскій,—и епископы: Діонисій—уфимскій и Симеонъ—минскій.

— Для устройства выставки предметовъ, относящихся къ школьному обученію, на время съѣзда въ Кіевѣ представителей

епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ, съ 15 по 25 іюля, дума разрѣшила отвести залу городского дома на Крещатикѣ. Учителямъ же сельскихъ школъ, прибывающимъ въ Кіевъ на курсы церковнаго пѣнія, разрѣшено помѣщаться во время курсовъ въ Контрактовомъ домѣ.

— «Недѣля» останавливается на «лучѣ свѣта» въ темномъ вопросѣ о народномъ просвѣщеніи. Этотъ «лучъ свѣта» представляетъ собою тверской уѣздъ, въ которомъ уже почти всѣ мальчики школьнаго возраста (болѣе 95%) посѣщаютъ школу, и теперь, въ виду этого, мѣстнымъ земствомъ поставленъ на очередь вопросъ объ обязательномъ обученіи и, по всей вѣроятности, въ непродолжительномъ времени будетъ осуществленъ. Этотъ въ высшей степени отрадный фактъ даетъ поводъ газетѣ высказать въ горячей, прочувствованной статьѣ нѣсколько горькихъ истинъ по вопросу о нашемъ народномъ невѣжествѣ.

«Народное просвѣщеніе... Кажется, нѣтъ больнѣе и постыднѣе вопроса въ нашей общественной жизни. Нашъ народъ—самый невѣжественный и безграмотный среди сосѣдей; онъ уступаетъ въ этомъ отношеніи не только Японіи или Китаю, но даже Турціи и Бухарѣ. Еле одна десятая часть населенія (считая и высшіе классы) пользуются «письменами», изобрѣтеніе которыхъ имѣетъ за собою сорокъ или пятьдесятъ столѣтій. Въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ это финикійское изобрѣтеніе, составляющее эру цивилизаціи, все еще не сдѣлалось достояніемъ нашего отечества. Какъ исполинское «пятно невѣжества», русское племя залегаетъ между языческою и христіанскою культурою. И нельзя сказать, чтобы это постыдное явленіе не сознавалось правящими слоями: еще до Петра І-го и въ особенности начиная съ него достаточно сознана важность просвѣщенія; но вплоть до послѣдняго тридцатилѣтія, когда народное просвѣщеніе было отчасти предоставлено земству, не сдѣлано было съ этою цѣлью рѣшительно ничего. Въ послѣднее тридцатилѣтіе этотъ вопросъ кое-гдѣ быстро двинутъ впередъ, но мѣстами до него почти не касались; наряду съ такими достойными земствами, какъ тверское, можно насчитать цѣлый рядъ иныхъ, вполнѣ равнодушныхъ къ народному образованію».

«Эта непроницаемая тьма, продолжаетъ газета, разобщающая великое племя съ человѣчествомъ, съ наукой и откровеніями истинной цивилизаціи, сама по себѣ ужасна; но она тѣмъ ужаснѣе, что входитъ какъ стихія во всѣ явленія народной жизни, омрачая ихъ, губя въ источникѣ. Народное невѣжество есть въ то же время и народная безпомощность, народная бѣдность, народное вырожденіе, народное безсиліе. Невооруженный знаніями человѣкъ нетолько духовно нищъ, но и духовно безсиленъ; въ безконечномъ числѣ пустыхъ препятствій, не зная ихъ природы, онъ вынужденъ истощаться въ усиліяхъ, или уступать; онъ не въ состояніи поднять съ земли сокровищъ, валяющихся у его ногъ; онъ за скудный кусокъ хлѣба принужденъ работать какъ рабъ; онъ не знаетъ, какъ избавиться отъ ничтожной болѣзни, а серьезная—для него непреодолима. Невѣжество держитъ сильнаго и душевно-крѣпкаго отъ природы русскаго крестьянина точно въ мѣшкѣ, связывающемъ всѣ его движенія и заслоняющемъ для него міръ. Жить въ подобномъ мракѣ можно было въ давнія, невозвратныя времена, когда были совсѣмъ иныя условія міровой конкурренціи, когда сосѣди немногимъ превосходили насъ просвѣщеніемъ,—да и тогда жизнь была не слишкомъ радостна. Теперь же, когда всѣ страны вооружены желѣзомъ и золотомъ, когда онѣ стремятся вооружить свои народы высшими знаніями,—возможно ли съ нашей стороны соперничество съ ними? Въ огромномъ числѣ случаевъ оно уже невозможно: мы страшно отстали во всѣхъ формахъ народной дѣятельности, отъ грубо-ремесленныхъ до художественныхъ и научныхъ: даже земледѣліе—національный народный трудъ—имѣетъ у насъ самую низкую культуру, какая встрѣчается въ Европѣ, Азіи, Америкѣ и Австраліи. Въ мирной борьбѣ мы уступили сосѣдямъ на всѣхъ фронтахъ, мы отстали отъ нихъ на цѣлые вѣка.»

«Въ Германіи и Франціи расходуется на образованіе въ среднемъ до 3-хъ рублей на душу, у насъ же—не болѣе 20 копѣекъ; въ нѣкоторыхъ государствахъ простонародье поголовно грамотно, тамъ подумываютъ сдѣлать доступными для народа высшія школы, о всеобщемъ обученіи тамъ говорятъ какъ объ анахронизмѣ, какъ о стадіи, давно пройденной; а намъ еще и мечтать нельзя о немъ...»;

— Настоятель прихода с. Киселевки, звенигородскаго уѣзда, священникъ А. Горохолинскій сообщаетъ слѣдующее пріятное извѣстіе. Администрація Киселевскаго сахарнаго завода, пишетъ онъ, оказываетъ большую поддержку школьному дѣлу и вообще благимъ начинаніямъ крестьянъ с. Киселевки. Церковно-приходская школа с. Киселевки находилась въ полуразрушенномъ состояніи, безъ всякой огорожи. Администрація завода ремонтируетъ школу заново, и школа принимаетъ совершенно другой видъ. Для лучшей постановки школьнаго дѣла, ассигновано изъ средствъ завода 75 р. на жалованье хорошему учителю, который будетъ теперь получать всего 230 рублей въ годъ (въ томъ числѣ отъ попечительницы генеральши Исаковой 75 руб. и отъ крестьянъ 80 руб.) Такимъ образомъ, содержаніе учителя вполнѣ обезпечено.

Въ приходѣ с. Киселевки очень старая церковь и при томъ тѣсная. Крестьяне изыскиваютъ разные способы для постройки новой. Такъ они, по совѣту своего приходскаго священника, рѣшили жертвовать 10 проц. своихъ заработковъ въ заводѣ, и теперь уже собралось съ марта мѣсяца сего года до 100 рублей. Администрація завода и тутъ пришла имъ на помощь, пожертвовавъ 1000 рублей на постройку новой церкви и желѣза сколько будетъ необходимо.

При такомъ сочувствіи добрыхъ людей, крестьяне еще охотнѣе взялись за изысканіе средствъ на постройку церкви, и въ послѣднее время пожертвовали 700 рублей на церковь и впредь обѣщаютъ ежегодно столько же вносить.

Такимъ образомъ, при сочувствіи добрыхъ людей, и изъ лепты трудовой выростаютъ храмы Божіи по лицу земли родной.

Благодаря также заводской администраціи, въ приходѣ сформировался прекрасный хоръ, на содержаніе котораго ассигновано изъ завода жалованье.

— **Таращанское Свято-Георгіевское братство**, какъ видно изъ его отчета за 1893 годъ, вступивъ въ четвертый годъ своего существованія, неуклонно держалось того же направленія, по которому слѣдовало въ предыдущіе годы и, руководствуясь указаніями своего устава, съ одной стороны стремилось поднять умственный, нравственный и религіозный уровень народа и съ другой—подать

руку помощи нуждающимся въ матеріальной поддержкѣ, т. е. преслѣдовало двѣ цѣли: просвѣтительную и благотворительную. Для осуществленія этихъ цѣлей, общество выдавало желающимъ безплатно книги, вело внѣ-богослужебныя чтенія, устраивало народныя чтенія съ туманными картинами, боролось по мѣрѣ силъ и возможности съ пьянствомъ, оказывало матеріальную помощь бѣднымъ и осиротѣлымъ семействамъ, организовало подачу безплатной медицинской помощи и удешевленную выдачу лѣкарствъ и т. д. По мѣрѣ развитія своей благотворной дѣятельности, братство вызывало все большее сочувствіе въ мѣстномъ обществѣ, каковое, въ свою очередь, придавало дѣйствіямъ братства болѣе энергичное отношеніе къ предпринятому дѣлу. Въ отчетномъ году дѣйствительныхъ членовъ братства было 38, въ томъ числѣ 4 пожизненныхъ: его сіятельство графъ А. Н. Игнатьевъ, преосвященный Сильвестръ, епископъ каневскій, Н. А. и Ф. А. Терещенко. Тѣ-же лица и преосвященный Іеронимъ, епископъ виленскій, состоятъ также почетными членами братства. Средства братства въ отчетномъ году состояли: изъ членскихъ взносовъ въ суммѣ 317 р., добровольныхъ пожертвованій 64 руб., отъ концерта 48 рублей, отъ благотворительнаго базара 168 рублей, по подписнымъ листамъ собрано 124 рубля и пр., всего 862 рублей. Расходъ братства за то же время составилъ 328 руб. Денежнымъ пособіемъ въ теченіе отчетнаго года воспользовался 41 человѣкъ, не считая проживающихъ въ богадѣльнѣ и, кромѣ того, выдано пособіе на погребеніе 12 бѣднымъ. Въ ближайшемъ будущемъ братство предполагаетъ устроить дешевую чайную, для противодѣйствія пьянству, а также лавку для продажи въ ней предметовъ христіанскаго культа. Заканчивая свой отчетъ, совѣтъ братства высказываетъ надежду, что сочувствіе къ задачамъ его, проникающее все глубже и глубже, несомнѣнно коснется и низшаго класса мѣстнаго населенія, и что не далеко то время, когда лучшіе представители народа, испытавъ на себѣ и на своихъ близкихъ благотворную дѣятельность братства, проникнутся сочувствіемъ къ этому полезному учрежденію и постараются поддержать его, каждый по мѣрѣ своихъ силъ и возможности. (Изъ «Кіевл.»)

— **Изъ путевыхъ замѣтокъ.** Скромная тихая Лебединская женская обитель Никольскаго монастыря много говоритъ уму и

сердцу каждаго богомольца, какимъ сподобилъ быть Господь и меня въ недавнее время. Здѣсь какъ-то забывается все прошлое исторической борьбы этихъ мѣстностей съ пришельцами, усиливавшимися нѣкогда изгладить слѣды первоосновапной здѣсь культуры православія. И позлащенныя главы Божіихъ храмовъ со своими крестами, указывающими на небо, и лѣсъ возвышающійся амфитеатромъ на восточномъ небосклонѣ, изъ-за котораго выглядываетъ утреннее солнышко, и гармоническое пѣніе пѣвчихъ птицъ, привѣтствующихъ весело восходящее солнце—все это настраиваетъ на созерцаніе будущаго, а непрошлаго,—будущаго, толкающаго насъ на размышленія о нравственномъ самосовершенствованіи человѣка, о цѣли бытія. Паломничество для меня не ново: я путешествовалъ не по желѣзной дорогѣ, не въ выгодномъ экипажѣ, а пѣшкомъ. Когда, такимъ образомъ, путешествуютъ, тогда молятся и идутъ, идутъ и молятся,—молятся о своихъ ближнихъ, о своей родинѣ, о мирѣ всего міра, тогда нѣтъ мѣста эгоистическимъ цѣлямъ, какъ это и мною изведано на опытѣ. Никогда я не повѣрю тому, что вольнодумствующій Соловьевъ (въ своей полемикѣ въ «Московск. Вѣд.» съ «Русск. Вѣд.» за 1892—3 годы) говоритъ объ *эгоистическихъ* оттѣнкахъ въ богомысліи нашихъ первоначальниковъ иноческаго житія; скорѣе я соглашаюсь съ талантливымъ Синькевичемъ, путешествовавшимъ по Африкѣ, когда онъ говоритъ, со словъ Шамфора, что «въ одиночествѣ больше свыкаются съ своими недостатками, чѣмъ съ недостатками другихъ». (Письма изъ Африки «Русск. Мысль», 1891 г. т. XI—стр. 212). Всѣ мы странники и пришельцы на землѣ сей: наше отечество на небесахъ, и чистыя стремленія туда ничего общаго не имѣютъ съ эгоизмомъ. Что уединяющіеся для богомыслія, для подвиговъ молитвы и поста, всегда одушевлены любовью къ ближнимъ и не пропускаютъ, по своей кротости и смиренію, случая послужить имъ дѣлами духовнаго и тѣлеснаго милосердія—примѣры тому въ историческихъ повѣтствованіяхъ—безчислены. А вотъ и еще тому весьма рельефный примѣръ. Въ страннопріимномъ домѣ Лебединскаго женскаго монастыря, на пути въ Кіевъ, заболѣлъ убѣленный сѣдинами старикъ и лежалъ тамъ довольно долго. Почувствовавъ приближеніе своей кончины, онъ исповѣдывался и причастился Св. Таинъ, а потомъ попросилъ и о совершеніи надъ

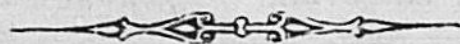
нимъ св. елеосвященія. Нужно было видѣть, говорилъ мнѣ очевидецъ, съ какою любовью, съ какою участливостью—былъ уходъ за этимъ больнымъ странникомъ. Когда совершалось надъ нимъ елеосвященіе, при открытыхъ окнахъ гостинницы,—прохожій и проѣзжій людъ запрудилъ всю улицу, останавливаясь для слушанія трогательнаго пѣнія, при совершеніи св. таинства, при чемъ дворъ гостинницы, не говоря о той комнатѣ, въ которой лежалъ умиравшій, былъ переполненъ молящимися сестрами—обители, которыя всѣ пѣли не только всѣ прокимны, но и всѣ антифоны по памяти, стало быть, какъ привычныя. А при самомъ погребеніи покойника, и кресты, и хоругви, и свѣчи, и самаго покойника на нарахъ несли сами сестры-монахини, въ сопровожденіи великаго множества народа изъ странницъ и самихъ сестеръ. Было раннее, майское утро и гармоничному пѣнію пѣвчихъ вторило пѣніе птицъ, привѣтствовавшихъ начало дня для живыхъ, и невечерняго дня—для отшедшаго въ жизнь вѣчную. И на пути въ церковь, гдѣ былъ поставленъ гробъ съ покойникомъ, предъ наступленіемъ совершенія обѣдни, и при пѣніи на два клироса самой заупокойной обѣдни, и при самомъ отпѣваніи покойника, было пѣніе поразительно умилительное, да и чтеніе церковное самое осмысленное, проникающее *до раздѣленія членовъ и мозговъ*; такъ что случившійся тутъ спутникъ мой, побывавшій нѣкогда въ Новодѣвичьемъ монастырѣ Петербурга и слышавшій тамъ умѣлое пѣніе церковныхъ службъ, приравнивалъ это столичное пѣніе женскаго хора, безъ умаленія эстетическихъ достоинствъ, хору мѣстному, возносившему души молящихся горѣ. Покойника проводили въ мѣсто вѣчнаго упокоенія уже предъ вечерней службой, такъ какъ, вслѣдъ за отпѣваніемъ его, послѣдовала общественная, за счетъ однѣхъ сестеръ-подвижницъ, трапеза для всѣхъ богомольцевъ—странниковъ, слѣдовавшихъ какъ въ Кіевъ, такъ и обратно. Странники тѣ и другіе оставались здѣсь по долгу теперь, такъ какъ, послѣ продолжительныхъ дождей, съ наступившей уже погодой, пришлось имъ здѣсь долго просушиваться и выстирать перемѣны своего бѣлья. Такъ и похоронили страннаго раба Божія Василія, и здѣсь его записали не только въ *единственную* при монастырѣ метрическую книгу объ умершихъ, но и во всѣ *синодики* сестеръ мо-

настыря, для вѣчнаго поминовенія души его,—наравнѣ съ родными сестеръ, наравнѣ съ храмоздателями и благотворителями святой обители сея... А благотворители тутъ необходимы,—по крайности, хоть для снабженія топливомъ келлій сестеръ, коихъ наберется здѣсь свыше трехъ сотъ человѣкъ. Дрова здѣсь непомѣрно дороги, такъ что за возъ хвороста или фашинника платится съ доставкой около трехъ рублей; вязанки же такого самаго сушника, добываемаго и переносимаго на плечахъ самихъ сестеръ изъ сосѣднихъ чужихъ лѣсовъ, не всегда доставать можно безъ затрудненій.

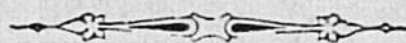
На другой день, 6-го мая, Господу изволившу, пришлось мнѣ здѣсь совершать св. литургію. Служеніе было, по случаю высокоторжественнаго дня, соборное, хоть и не позднее: народа молящагося—масса; пѣніе—на два клироса—самое торжественное; Херувимская пѣснь, «Достойно и праведно есть поклонятися Отцу и Сыну и Святому Духу», «Тебѣ поемъ», «Ангелъ вопіяше», «Отче нашъ»,—все это пѣніе партесное, умѣлое, эстетически гармоническое, съ финалами тихими, замирающими, до того окрыляетъ душу въ молитвенномъ настроеніи, что забываешься, подобно посламъ Владиміра святаго, «на небѣ ли ты, или на землѣ». Когда же, къ концу молебна Царскаго, настало пѣніе «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ», при чемъ пѣніе исполнялось всею церковью, въ соединеніи хора 60 ученицъ профессіональнаго мѣстнаго училища,—думалось тогда, что находишься въ какомъ-нибудь артистическомъ городѣ.—Во всѣхъ дѣлахъ, какъ монастыря, такъ и училища, игуменія Евфалія вездѣ поспѣваетъ, какъ она же первою является и въ церковь на всѣ богослуженія. Она же способствуетъ и тому, что бѣдныя воспитанницы мѣстнаго училища выглядятъ институтками.

Священникъ ***Августинъ Левитскій.***

Неоффиціальной части редакторъ, Прот. ***Павелъ Троцкій.***

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Кіевскаго духовнаго цензурн. Комитета печат. дозвол. 25 іюня 1894 г.

Цензоръ, Протоіерей *М. Богдановъ*.

Кіевъ, типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.